

Содержание книги

Предисловие к русскому изданию.	5
Amigo lectori, предисловие автора, где рассказывается его жизнь до возвращения в немецкие земли	11
Глава 1. Как я в первый раз встретился с Ренатой и как она рассказала мне всю свою жизнь.	22
Глава 2. Что предсказала нам деревенская ворожея и как провели мы ночь в Дюссельдорфе	39
Глава 3. Как мы поселились в городе Кельне и как были обмануты таинственными стуками . . .	54
Глава 4. Как мы жили в Кельне, что потребовала от меня Рената и что я видел на шабаше.	75
Глава 5. Как мы изучали магию и чем кончился наш магический опыт	101
Глава 6. О моей поездке в Бонн к Агриппе Неттестеймскому и о том, что он сказал мне . . .	131
Глава 7. Как я встретился с графом Генрихом и почему я вызвал его на поединок	163
Глава 8. Как я разыскал Матвея Виссмана и о моем поединке с графом Генрихом.	181
Глава 9. Как мы прожили декабрь и праздник Рождества Христова	195

Глава 10. Как явился Ренате вновь Мадиеэль и как она меня покинула	210
Глава 11. Как я жил без Ренаты и как я встретился с доктором Фаустом	234
Глава 12. Как путешествовал я с доктором Фаустом и как провел первых два дня в замке графа фон Веллен	257
Глава 13. Как поступил я на службу к графу фон Веллен, как прибыл в наш замок архиепископ Трирский и как мы отправились с ним в монастырь Святого Ульфа	279
Глава 14. Как архиепископ экзорцизмами боролся с демонами в монастыре Святого Ульфа	298
Глава 15. Как Ренату судили инквизиционным судом под председательством Архиепископа	321
Глава 16 и последняя. Как умерла Рената и обо всем, что случилось со мною после ее смерти	348
Объяснительные примечания	371
Перечень рисунков	413

Предисловие к русскому изданию

Автор «Повести» в своем Предисловии сам рассказывает свою жизнь. Он родился в начале 1505 г. (по его счету в конце 1504 г.) в Трирском архиепископстве, учился в Кельнском университете, но курса не кончил, пополнил свое образование беспорядочным чтением, преимущественно сочинений гуманистов, потом поступил на военную службу, участвовал в походе в Италию 1527 г., побывал в Испании, наконец, перебрался в Америку, где и провел последние пять лет, предшествовавшие событиям, рассказанным в «Повести». Самое действие «Повести» обнимает время с августа 1534 по осень 1535 года.

Автор говорит (гл. XVI), что он писал свою повесть непосредственно после пережитых событий. Действительно, хотя уже с самых первых страниц он делает намеки на происшествия всего следующего года, из «Повести» не видно, чтобы автор знаком был с событиями более поздними. Он, например, ничего еще не знает об исходе Мюнстерского восстания (Мюнстер взят приступом в июне 1535 г.), о котором поминает дважды (гл. III и XIII), и говорит об Ульрихе Цазии (гл. XII) как о человеке живом (ум. 1535 г.). Сообразно с этим тон рассказа хотя в общем и спокоен, так как автор передает события, уже отошедшие от него в прошлое, местами все же одушевлен страстью, так как прошлое это еще слишком близко от него.

Неоднократно автор заявляет, что он намерен писать одну правду (Предисловие, гл. IV, V и др.). Что автор

действительно стремился к этому, доказывается тем, что мы не находим в «Повести» анахронизмов, и тем, что его изображение личностей исторических соответствует историческим данным. Так, переданные нам автором «Повести» речи Агриппы и Иоганна Вейера (гл. VI) соответствуют идеям, выраженным этими писателями в их сочинениях, а изображенный им образ Фауста (гл. XI–XIII) довольно близко напоминает того Фауста, какого рисует нам его старейшее жизнеописание (написанное И. Шписсом и изданное в 1587 г.). Но, конечно, при всем добром желании автора, его изложение все же остается субъективным, как и все мемуары. Мы должны помнить, что он рассказывает события так, как они ему представлялись, что, по всем вероятностям, отличалось от того, как они происходили в действительности. Не мог избежать автор и мелких противоречий в своем длинном рассказе, вызванных естественной забывчивостью.

Автор говорит с гордостью (Предисловие), что, по образованию, не почитает себя ничем ниже «гордящихся двойным и тройным докторатом». Действительно, на протяжении «Повести» разбросано множество свидетельств разносторонних знаний автора, который, согласно с духом XVI в., стремился ознакомиться с самыми разнообразными сферами науки и деятельности. Автор говорит, тоном знатока, о математике и архитектуре, о военном деле и живописи, о естествознании и философии и т.д., не считая его подробных рассуждений о разных отраслях оккультных знаний. Вместе с тем в «Повести» встречается множество цитат из авторов, древних и новых, и просто упоминаний имен знаменитых писателей и ученых. Надо, впрочем, заметить, что не все эти ссылки вполне идут к делу и что автор, по-видимому, щеголяет своей ученостью. То же надо сказать о фразах на языках латинском, испанском, французском и итальянском, которые автор вставляет в свой рассказ. Сколько можно судить, из иностранных языков он действительно

был знаком лишь с латинским, который в ту эпоху был общим языком образованных людей. Испанский язык он знал, вероятно, лишь практически, а знания его в языках итальянском и французском более чем сомнительны.

Автор называет себя последователем гуманизма (Предисловие, гл. X и др.). Мы можем принять это утверждение только с оговорками. Правда, он часто ссылается на различные положения, ставшие как бы аксиомами гуманистического мирозерцания (гл. I, IV, X и др.), с негодованием говорит о схоластике и приверженцах мирозерцания средневекового, но все же в нем самом еще очень много старинных предрассудков. Идеи, воспринятые при беспорядочном чтении, смешались у него с традициями, внушенными с детства, и создали мировоззрение крайне противоречивое. Говоря с презрением о всяких суевериях, автор порою сам обнаруживает легкое верие крайнее; насмехаясь над школами, «где люди занимаются приискиванием новых слов», и всячески восхваляя наблюдение и опыт, он, по временам, способен путаться в схоластических софизмах и т.д.

Что касается до веры автора во все сверхъестественное, то в этом отношении он только шел за веком. Как это ни кажется нам странным, но именно в эпоху Возрождения началось усиленное развитие магических учений, длившееся весь XVI и XVII в. Неопределенные колдования и гадания Средних веков были в XVI в. переработаны в стройную дисциплину наук, которых ученые насчитывали свыше двадцати (см., напр., сочинение Агриппы: «*De speciebus magiae*»^{*}). Дух века, стремившийся все рационализировать, сумел и магию сделать определенной рациональной доктриной, внес осмысленность и логику в гадания, научно обосновал полеты на шабаш и т.д. Веря в реальность магических явлений, автор «Повести» только следовал лучшим умам своего времени.

^{*} «О видах магии» (лат.).

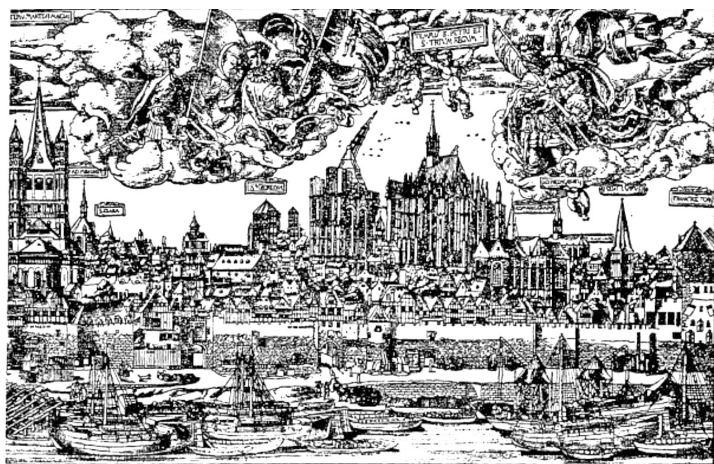
Так, Жан Бодэн, знаменитый автор трактата «De republica»*, которого Бокль признавал одним из замечательнейших историков, в то же время автор книги «La Démonomanie des sorciers»**, подробно исследующей договоры с Дьяволом и полеты на шабаш; Амбруаз Парэ, преобразователь хирургии, описал природу демонов и виды одержания; Кеплер защищал свою мать от обвинения в ведовстве, не возражая против самого обвинения; племянник знаменитого Пико, Джованни-Франческо делла Мирандола, написал диалог «Ведьма» с целью убедить образованных, неверующих людей в существовании ведьм; по его словам, скорее можно сомневаться в существовании Америки и т.д. Папы издавали специальные буллы против ведьм, и во главе известного «Malleus maleficarum»*** стоит текст: «Haeresis est maxima oprea maleficarum non credere», т.е. «Не верить в деяния ведьм — высшая ересь». Число этих неверящих было очень невелико, и среди них на видное место должно поставить упоминаемого в «Повести» Иоганна Вейра (или, по другой транскрипции его имени, Жана Вира), который первый признал в ведовстве особую болезнь.

Валерий Брюсов

* «О государстве» (лат.).

** «Демономания колдунов» (фр.).

*** «Молот ведьм» (лат.).

*Огненный ангел, или Правдивая повесть,
в которой рассказывается о дьяволе,
не раз являвшемся в образе светлого духа одной девушке
и соблазнившем ее на разные греховные поступки,
о богопротивных занятиях магией, астрологией,
гоетейей и некромантией, о суде над оной
девушкой под председательством его
преподобия архиепископа Трирского,
а также о встречах и беседах
с рыцарем и трижды доктором
Агриппою из Неттесгейма
и доктором Фаустом,
написанная
очевидцем*

*Non illustrum cuiquam virorum
artium laude doctrinaeve fama clarorum
at tibi
domina lucida demens infelix
quae multum dilexeras
et amore perferas
narrationem haud mendacem
servus devotus
amator fidelis
sempiternae memoriae causa
dedicavi
scriptor*

*Не кому-либо из знаменитых людей,
прославленных в искусствах или науках,
но тебе,
женщина светлая, безумная, несчастная,
которая возлюбила много
и от любви погибла,
правдивое это повествование,
как покорный служитель
и верный любовник,
в знак вечной памяти
посвящает
автор*

(Перевод В. Брюсова.)

*Amigo lectori *,
предисловие автора, где рассказывается
его жизнь до возвращения в немецкие
земли*

Мне думается, что каждый, кому довелось быть свидетелем событий необычных и малопонятных, должен оставлять их описание, сделанное искренно и беспристрастно. Но не одно только желание содействовать такому сложному делу, как изучение загадочной власти Дьявола и области ему доступной, побуждает меня принять это, лишенное прикрас, повествование о всем удивительном, что пережил я за последние двенадцать месяцев. Меня привлекает также возможность открыть на этих страницах свое сердце, словно в немой исповеди, пред неведомым мне слухом, так как больше не к кому мне обратиться свои печальные признания и трудно молчать человеку, испытавшему слишком много. Для того же, чтобы было видно тебе, благосклонный читатель, насколько можешь ты доверять бесхитростному рассказу и насколько способен я был разумно оценивать все, что наблюдал, хочу я в коротких словах передать и всю мою судьбу.

* Другу читателю (лат.).

Прежде всего скажу, что я не был юношей, неопытным и склонным к преувеличениям, когда повстречался с темным и с тайным в природе, так как переступил уже через грань, разделяющую нашу жизнь на две части. Родился я в Трирском курфюршестве в конце 1504 года от Воплощения Слова, февраля 5¹, в день Святой Агаты, что было в среду, — в небольшом селении в долине Гохвальда, в Лозгейме. Дед мой был там цирульником и хирургом, а отец, получив на то привилегию от нашего курфюрста, практиковал как медик. Местные жители всегда высоко ценили его искусство и, вероятно, по сей день прибегают к его внимательной помощи, заболев. В семье нас было четверо детей: два сына, считая со мной, и две дочери. Старший из нас, брат Арним, успешно изучив ремесло отца, дома и в школах, был принят в корпорацию Трирскими медиками, а обе сестры удачно вышли замуж и поселились — Мария в Мерциге, а Луиза в Базеле. Я, получивший при святом крещении имя Рупрехта, был в семье самым младшим и оставался еще ребенком, когда брат и сестры стали уже самостоятельными.

Образование мое никак не может быть названо блистательным, хотя ныне, имев в жизни много случаев приобрести познания самые разнообразные, не почитаю я себя ничем ниже некоторых, гордящихся двойным и тройным докторатом². Отец мой мечтал, что я буду его преемником и что мне передаст он как богатое наследство и свое дело и свой почет. Едва обучив меня грамоте, счету на абаке и начаткам латыни, он стал посвящать меня в тайны медикаментов, в афоризмы Гиппократы и в книгу Иоанникия Сирийского³. Но мне с самого детства были ненавистны занятия усидчивые, требующие одного внимания и терпения. Только настойчивость отца, который со старческим упрямством не отступал от своего намерения, и постоянные увещания матери, женщины доброй и робкой, принудили меня сделать некоторые успехи в изучаемом предмете.